

Маккавейский
Владимир Емельянович

Радость творчества

Актер человек или нет? Подобный вопрос задавал себе один скромный учитель пения из Одессы. Этот человек не питал родственных чувств к представителям смежного искусства.

— Сцена не будущность, — твердил он не раз сыну Владимиру. — А будешь ушорствовать — выгону.

Самые яркие минуты жизни гимназиста Маккавейского протекали на галерке роскошного оперного театра. За минуты счастья приходилось порою щедро расплачиваться. До сих пор не забыта ненастная осенняя ночь, которую он, еще весь во власти очарования трагического образа роستانовского Орленка, вынужден был провести на улице, — рассерженный отец не пустил в квартиру. Впоследствии отец осуществил такую свою угрозу — закрыл перед сыном двери родного дома за то, что тот «связался с актерами».

В 1906 году закончена гимназия. Перед юношей раскрылись двери университета. Одновременно Владимир Маккавейский поступил в одесскую театральную школу и начал стажироваться у антрепренера Багрова. Пришлось познать не только прелести, но и изнанку старой закулисной жизни. Сколько горьких мгновений доставляла молодому артисту созданная «верхами» театра атмосфера отчуждения, когда он получил, наконец, свою первую «настоящую» роль — Пьетро Строчи в пьесе Альфреда Мюссе «Лорензаччио».

Потом — Баку и Гельсингфорс, Казань, Саратов, Владивосток... Вместе с труппой Варламова Маккавейский побывал в 1909 г. и в старом Екатеринославе. Актерская жизнь дореволюционной России протекала в непрерывных скитаниях. Совсем как у Несчастливцева в «Леся»: из Волыды в Керчь, из Керчи в Волыду — заколдованный круг провинциального актера!

Не перечтешь, пожалуй, ролей, сыгранных Владимиром Емельяновичем за три с лишним десятилетия, проведенных на сцене. Немало их готовилось «в пожарном порядке»: с двух, трех репетиций. Приходилось играть давашную аншлаги популярную: «Ревность» Арцыбашева, «Блюки счастья» Вербицкой... Из 70 премьер, прошедших только за один дореволюционный сезон в Саратове, Маккавейский был свободен... в одной. Бывали дни, когда утром приходилось играть Гамлета, вечером — Чацкого или герцога Рейхштадтского. Ночи проходили за зубрежкой роли. Не творчество было это, а труд чернорабочего сцены, облаченного по мере надобности в средневековые доспехи или поддевку купчины.

А зритель! Кто, как не зритель, внимательный и чуткий, вдохновляет творчество артиста. Этот ли зритель заполнял залы в старые годы? Конечно, были и настоящие любители театра, но они тонули в безликой массе буржуа, посещающих театр лишь в угоду «хорошему» тону.

С отвращением вспоминая о таком зале, битком набитом мешанством, Владимир Емельянович возвращается и к другому чудесному зрителю.

То было в конце гражданской войны, в Новочеркасске. Через город, преследуя противника, проходила красная конница. Театр, в котором работал Маккавейский, давал ежедневно спектакли для бойцов. Подавляющему большинству этих людей не было знакомо даже само слово «театр». Они в первый раз видели такой зал, занавес, сцену... Здесь расхаживали люди в чудных костюмах, один обсуждал давно решенный вопрос: быть или не быть?

В антракте на авансцену вышел администратор. «Товарищи, — сказал он, — искусство принадлежит трущимся. Для нас играют актеры. Покорная просьба умеренней выражать свои чувства».

Спектакль продолжался при абсолютной тишине. В ней было нечто весомое, многозначительное. Чувствовалось жгучее стремление осмыслить происходящее на сцене. В конце каждого действия хлопали дружно и туго, топали в восторге сапогами. Кто-то даже крикнул «ура». Игривый Гамлета актер Маккавейский впервые в жизни увидел, вернее ощутил своего, настоящего зрителя, познал замечательное чувство общности сцены и зала, и это радостное ощущение уже не покидало Владимира Емельяновича.

★

Уже третий сезон заслуженный артист РСФСР В. Е. Маккавейский работает в днепропетровском театре им. Горького. За два с лишним года он создал ряд блестящих образов. Днепропетровцам памятен его Растегин («На берегу Невы»), Карандышев в «Бесприданнице», Черкун («Варвары»), старик Ванюшин в «Детях Ванюшина», наконец — лермонтовский Арбенин. И в каждой из этих вариаций индивидуалиста Владимир Емельянович умел найти и подчеркнуть спокойно, умно и лаконично основное, без нажима лонести его до зрителя. Мы не упомянули еще двух ролей — двух лучших ролей Маккавейского.

В поставленном Владимиром Емельяновичем спектакле «Беспокойная старость» он исполнил ведущую роль — старого ученого, посвятившего свой незаурядный талант новой жизни. Роль профессора Полежаева в исполнении Маккавейского не

просто блестящее творческое перевоплощение. В бурные дни семнадцатого года Владимир Емельянович жил в Петрограде. Ему знаком незабываемый пафос Октябрьских дней.

Дмитрий Илларионович Полежаев из пьесы Рахманова рвет с былыми коллегами — саботажниками, злобно шипящими

о том, что он, якобы, «продался большевикам». Артист театра Марджанова Маккавейский, бывший в Октябрьские дни уполномоченным группы по связи с театральной секцией Петросовета, проводил в жизнь по своему театру первые распоряжения советской власти. В день Октябрьского вооруженного восстания театр Марджанова оказался одним из считанных, пресекших у себя контрреволюционный саботаж зрелищных предприятий, который дал спектакль, обеспечивая этим, согласно постановлению Совета, нормальную жизнь в столице... Невесело было

шагать поздно ночью по темным безлюдным улицам домой, на Малую Морскую. Над притихшим Петроградом рокотал гром пушек «Авроры». Возле «Астории» остановили патруль вооруженных матросов. «Кто такой?» «Я — артист». «Артист, — протянул широколицый моряк. — Ну, иди сторонкой. Поберегись — убьют».

Профессор Полежаев явился для Маккавейского как бы прелюдией в работе над другим замечательным образом, гармонически впитавшим в себя все лучшие черты человека нашей эпохи. Над этим образом, воодушевленный оказанным ему доверием, Владимир Емельянович трудился долгие месяцы. Он охотился на литературой, странствовал по московским музеям. Он беспощадно проверял себя — без прима и в прима — наедине с собой и в беседах с людьми. Когда на сцене днепропетровского Большого театра возник скромный ленинский кабинет в Кремле и в дверь его вошел первый друг и соратник Ильича — человек в куртке и сапогах, захлопотали аплодисменты. Какая — то, пусть небольшая, доля в этой буре восторга принадлежала ему — исполнителю роли Сталина в пьесе «Путь к победе». Эта роль — вершина всего сценического искусства Маккавейского, итог целого этапа его творческого пути. Артист передал черты многогранного сталинского гения, — черты не только мудрого вождя многомиллионного народа, но и глубокую человечность Сталина, его чудесное умение привлекать к себе сердца людей.

То значительное, что достигнуто Маккавейским в его работе над ролью Сталина, еще не удовлетворяет артиста. Он продолжает свой взволнованный труд, стремится еще полнее, всестороннее воплотить чудесный образ. И, вероятно, мы еще увидим Маккавейского в лучшей его роли — на материале другой историко-революционной пьесы.

Владимир Емельянович не только блестящий артист, но и талантливый режиссер — постановщик таких, вошедших в творческий актив театра имени Горького спектаклей, как «Беспокойная старость» и «Маскарад». Один из ведущих творческих работников театра, он по-товарищески прост в отношениях со всеми — от режиссера до примера и машиниста сцены, готов помочь каждому своим большим знанием театра. Только ли свои обязанности режиссера выполнял Маккавейский, терпеливо работая с молодым актером Явачевым над ролью Неизвестного в «Маскараде», или с Седлинской над образом Нины. Теперь он помогает молодой актрисе Мильнер, готовящейся к смотру театральной молодежи. Правдивым показателем его педагогической деятельности может служить поставленная Маккавейским выпускная работа студентов театрального техникума — «Зыковы» Горького, продемонстрировавшая большие способности многих, воспитанных Владимиром Емельяновичем, молодых актеров.

«В последние годы было совершено изумительное открытие, что во многих случаях актер может быть общественным деятелем» — писал Леонид Андреев. В то время — первого всероссийского съезда актеров — это, пожалуй, и было открытием. Но уже тогда в среде театральных работников пробивались ростки общественного движения... Еще заочно до революции молодой Маккавейский, будучи уполномоченным Саратовского отдела Всероссийского театрального общества, защищал интересы своих со товарищей от «прижимистых» антрепренеров. В 1920 году в Новочеркасске он был первым председателем союза рабочих. В Майкопе его избрали депутатом горсовета. Спаясь профсоюзных должностей вплоть до последней — председателя месткома театра им. Горького — красноречивый свидетель социалистического отношения Маккавейского к своим общественным обязанностям. Нет, не ошибся коллектив горьковцев, выдвинув на своем предвыборном собрании кандидатуру Владимира Емельяновича в депутаты Днепропетровского горсовета.

Этот высокий спокойный человек с внимательными серыми глазами давно уже завоевал признание днепропетровского зрителя. Мы верим созданным им образам, потому что в каждом из них — правда нашего искусства. Мы верим его профессору Полежаеву, верному сыну народа, достойному депутату Совета. Такой образ может быть создан только от всего сердца, в пафосе радостного, вдохновенного творчества.

МИХ. ШТЕЙН.